

Джим Батчер Убийственная любовь / Love hurts

Перевёл: Evil Fairy.

Перевод ни на что не претендует, особенно на точность и качество.

– из *Песен о Любви и Смерти*, под редакцией Джорджа Р. Р. Мартина и Гарднера Дозуа

Время действия – между Продажной шкурой и Изменениями

У Гарднера Дозуа есть куча наград за его антологии, в которых он *хорош*, и я присоединился по его приглашению, чтобы внести вклад в антологию, над которой он с Джорджем Р. Р. Мартином продолжал работать, под названием *Star-crossed Lovers*. Несмотря на мой энтузиазм, найти отправную точку для Дрезденской истории было для меня трудновато, так как Гарри Дрезден мог бы быть в тройке лучших свободных от влияния звёзд любовников во всём жанре современного фэнтези. Как я мог впихнуть его в историю вроде этой?

Ответ: Поместить его в гущу событий рядом с Мёрфи, когда вроде бы случайные любовные заклания несут безумие по городу. После этого всё, что мне нужно было сделать – применить его обычную полосу удачи и дико хихикать, печатая всё это.

Название антологии изменилось на *Песни о Любви и Смерти* после того, как я написал историю, что, вероятно, к лучшему. Иначе, я, возможно, нашёл бы способ устроить драку металлистов, оставаясь в рамках. Никто не заслуживает такого.

– Любовь убивает, – сказала Мёрфи и указала на трупы. Я поднырнул под ленту сцены преступления и вошел в риглевилльскую квартиру. Запах крови и смерти был густым, и это делало висельный юмор неизбежным.

Мёрфи стояла там, смотря на меня. Она не собиралась ничего объяснять. Это означало, что она хотела непредубежденного мнения от консультанта отдела Специальных Расследований Чикагского Полицейского Департамента – то есть меня, Гарри Дрездена. Насколько мне известно, я – единственный чародей на планете, получающий существенную часть своего дохода, работая на правоохранительные органы.

Я остановился и осмотрелся, готовя инвентарь.

Два тела, голые, мужское и женское, все еще переплетались в акте. Один маленький пистолет, незаконный в Чикаго, лежал в мягких пальцах женщины. Два огнестрельных ранения в висок, по одному у каждого. Кровь разбрызгалась двумя пересекающимися веерами, и ещё больше впиталось в ковер. Трупы адски воняли. После смерти с ними произошли кое-какие очень неромантические вещи.

Я прошел немного дальше в комнату и огляделся. Где-то в квартире старый винил играл Квинов. Фредди задавался вопросом, кто хочет жить вечно. Пока я слушал, песня закончилась и началась заново несколько секунд спустя, с ностальгическим треском и поскрипыванием.

Стены были покрыты фотографиями.

Я не имею в виду, что на стенах было много картин, как в доме прабабушки. Я подразумеваю – покрыты фотографиями. Совершенно. Полностью скрыты бумагой.

Я глянул вверх. Потолка это тоже касалось.

Я потратил минуту, медленно обходя вокруг, рассматривая изображения. Все они, каждая из них, демонстрировали обоих мертвецов вместе, позирующих где-нибудь и выглядящих безумно счастливыми. Я шел и всматривался. Множество картинок были почти копиями в большинстве деталей, за исключением разной одежды – по большей части жеманных футболок. В основном это были места для туристов в пределах Чикаго.

Это было, как будто парочка устраивала один и тот же тур отдыха каждый день, снова и снова, собирая каждый одни и те же фотографии.

– Одинаковые футболки, – сказал я. – Жуть.

Улыбка Мёрфи была неприятной. Она крошечная, маленькая мускулистая женщина со светлыми волосами и носом-пуговкой. Я бы сказал, что она настолько симпатичная, что я хотел

бы положить её себе в карман, но попытайся я это сделать – и она сломала бы мне руку. Мёрф знает боевые искусства.

Она ждала и ничего не говорила.

– Ещё один договор самоубийства. Уже третий в этом месяце, – я указал на картинки. – Хотя другие были не настолько стукнутыми. Или, м–м, увлечёнными, – я пожал плечами и ткнул в одержимых фотографиями. – Это просто безумие.

Мёрфи разве что слегка приподняла бледную бровь.

– Напомни мне – сколько мы тебе платим за советы, Шерлок?

Я поморщился.

– Да, да. Я знаю, – я помолчал немного, а затем спросил. – Как их звали?

– Грег и Синди Бардалаки, – сказала Мёрфи.

– Ничем вроде бы не связанные мертвые люди, но у всех похожие сцены смерти. Теперь мы переходим к иррациональному и одержимому поведению, как предшественнику... – я нахмурился. Я проверил несколько изображений и подошёл, чтобы осмотреть трупы.

– О, – сказал я. – О, блин–тарарам.

Мёрфи выгнула бровь.

– Нигде никаких обручальных колец, – сказал я. – Никаких свадебных фотографий. И... – я наконец нашел семейную фотографию в рамке, которая была там, среди всех этих снимков. Грег и Синди были на ней, вместе с парой постарше и молодым парнем.

– Боже, Мёрф, – сказал я. – Они не были женатой парой. Они брат и сестра.

Мёрфи посмотрела на переплетенные тела. Они не несли никаких признаков борьбы. Одежда, бокалы для шампанского, и пустая бутылка игристого валялись разбросанными.

– Женатой – нет, – сказала она. – Парой – да.

Она не была удивлена. Она уже выяснила это для себя.

– Ик, – сказал я. – Но это кое–что объясняет.

– Объясняет что?

– Эти двое. Они были вместе – и они были невменяемы, делая это. Тут метка кого–то, вмешавшегося в их разум.

Мёрфи покосилась на меня.

– Почему?

Я развёл руками.

– Скажем, Грег и Синди сталкиваются с Плохим Парнем Икс. Плохой Парень Икс входит в их головы и заставляет впасть в дикую любовь и вожделение друг друга. Они ничего не могут сделать с чувствами, которые кажутся совершенно естественными, но на каком–то уровне знают, что то, что они делают – это не то, чего они хотят, и, помимо прочего, это ещё и безумно неправильно. Их искажённые сознания сталкиваются с их подсознанием, – я указал на фотографии, – и это продолжает нарастать, пока они не перестают справляться и бум, – я выстрелил в Мёрфи из большого и указательного пальцев.

– Если ты прав, то они не просто мертвы, – сказала Мёрфи. – Они – жертвы. Большая разница. Кто это сделал?

– Хотел бы я сказать, – сказал я. – Но единственное свидетельство, которое могло что–то доказать, стекает на пол. Если бы у нас был выживший, возможно, я мог бы присмотреться и увидеть, но за его отсутствием нам предстоит много беготни.

Мёрфи вздохнула и опустила взгляд.

– Два договора самоубийства могли – технически – быть совпадением. Три – уже неестественно. Это больше похоже на метод. Может это быть один из тех вампиров Скави?

– Они отстреливают одиночек, – сказал я, качая головой. – Такие смерти не по их профилю.

– Ты хочешь сказать, что мы должны найти общий знаменатель, связывающий всех жертв? Чёрт возьми, я должна была подумать об этом сама.

Я вздрогнул.

– Ага.

Я посмотрел на пару других детективов из ОСР в комнате, снимающих трупы, документирующих стены и так далее. Криминалисты отсутствовали. Они не любят тратить время на самоубийства эмоционально нестабильных, какими бы причудливыми те не были. Это

была грязная работа и её традиционно сваливали на ОСР.

Я понизил голос.

– Если кто-то играет с разумом, Совет может что-то знать. Я попробую взять след с того конца. Ты начни отсюда. Надеюсь, я оправдаю потраченные на меня деньги и мы встретимся посередине.

– Верно.

Мёрфи уставилась на трупы и её глаза потемнели. Она знала, каково это – быть жертвой ментальной манипуляции. Я не стал её утешать. Она ненавидела демонстрировать уязвимость и я не хотел показывать ей, что что-то заметил.

Фредди достиг крещендо, объясняя нам, что любовь должна умереть.

Мёрфи вздохнула и сказала: "Ради бога, выключите кто-нибудь эту проклятую запись".

– Сожалею, Гарри, – сказала капитан Лючко. – У нас нет орбитальных спутников, обнаруживающих чёрную магию.

Я подождал секунду, чтобы убедиться, что она закончила. Присутствие такого большого магического таланта на дальнем конце звонка означало периодические перерывы в связи между Чикаго и Эдинбургом, штабом Белого Совета чародеев. Анастасия Лючко, капитан Стражей, моя бывшая подруга, была готова предоставить информацию от Совета обо всей дребедени, происходящей в Чикаго – что означало практически ничего.

– Жаль, что их нет, а? – сказал я. – Неофициально – есть кто-нибудь, кто может что-то знать?

– Привратник, возможно. У него дар чутать проблемные места. Но никто не видел его уже несколько недель, что едва ли необычно. А если серьёзно, Страж Дрезден, то вы, как предполагается, один из тех, кто должен предоставлять нам информацию такого типа, – её интонации были наполовину насмешливыми, наполовину смертельно серьёзными. – Что, по-вашему, происходит?

– Три парочки чёртовски влюблённых голубков совершили двойное самоубийство за последние две недели, – разъяснил я ей. – Последние двое были братом и сестрой. И в их поведении было много всяких иррациональностей.

– Ты подозреваешь ментальное вмешательство, – сказала она. Её голос затвердел.

Лючко тоже была жертвой.

Я обнаружил, что горько улыбаюсь. Она была, помимо всего прочего, запрограммирована на то, чтобы быть со мной. Очевидно, в последнее время это был единственный способ устроить моё свидание с кем-то.

– Это кажется разумным. Я сообщу, если что-то найду.

– Будь осторожен, – сказала она. – Не влезай в опасные ситуации без поддержки. Слишком много шансов, что тебя могут подставить.

– Подставить? – спросил я. – Из двух людей, ведущих этот разговор, кто попался парню, копающемуся в мозгах?

– Туше, – сказала Лючко. – Но он сумел зайти так далеко, потому что мы были самонадеянными. Та или иначе, прояви осмотрительность.

– Поработаю над этим, – сказал я.

На момент последовала неуклюжая тишина, а затем Анастасия спросила:

– Как ты, Гарри?

– Весь в делах, – ответил я. Она уже принесла мне извинения, вроде как, за резкий исчезновение из моей личной жизни. Она никогда не намеревалась в ней появляться. События прошлого года породили настоящий эмоциональный цунами, и я не был одним из тех, кого он задел по-настоящему сильно. – А ты?

– Вся в делах, – она замолчала на мгновение и продолжила. – Я знаю, что с этим покончено. Но я рада, что какое-то время мы были вместе. Это делало меня счастливой. Иногда мне...

"...этого не хватает", я думаю, завершало высказывание. Я ощутил комок в горле.

– Нет ничего плохого в счастье.

– Да, ничего. Когда оно настоящее, – её голос смягчился. – Будь осторожен, Гарри. Пожалуйста.

– Я буду, – сказал я.

Я принялся прочёсывать сверхъестественный мир в поисках ответов и не получил почти ничего. У Маленького Народца, на который обычно можно было полагаться при получении информации определённого сорта, ничего для меня не было. Их память коротка на детали, и даже смерти, произошедшие слишком давно, превращались в их изложении в противоречивую тарабарщину.

Я произвёл несколько ментальных ночных путешествий по городу, используя масштабную модель Чикаго в моём подвале, чем только добавил к списку своих проблем головную боль.

Я обзвонил Парасеть, организацию народа со скромными магическими талантами, который часто становился жертвой более сильных сверхъестественных существ. Теперь они сотрудничали, делясь информацией, обмениваясь успешными техниками и вообще преодолевая нехватку магических мускулов успешной совместной работой. У них тоже ничего для меня не нашлось.

Я посетил МакЭнелли, перекрёсток сверхъестественной социальной жизни, и задал кучу вопросов. Ни у кого не было ответов. Тогда я начал связываться с людьми, которых знал, начиная с тех, которые, как я думал, могли предоставить информацию. Я методично перебрал весь список, вычёркивая имена, пока не дошёл до *Опроса случайных людей на улицах*.

Есть дни, когда я не чувствую себя чародеем. Или детективом. Или детективом–чародеем.

У обычных частных детективов хватает дней вроде этого, когда они ищут, ищут, ищут информацию и не находят ничего. У меня таких дней меньше, чем у большинства, за счёт чародейских штук, дающих мне больше возможностей – но иногда я тоже получаю дырку от бублика.

Я просто ненавижу подобное, когда жизни могут быть в опасности.

* * *

Всё что я знал четыре дня спустя – это то, что никому ничего не было известно о чёрной магии, творившейся в Чикаго, и единственные её следы, которые я сумел найти, были крошечными остатками чёрной магии, недостаточно сильной для того, чтобы быть угрозой (Страж Рамирез придумал словосочетание "тусклая магия", чтобы обозначить этот сорт мелкого, по существу безопасного злодейства). Были также обычные следы тусклой магии, подсознательно формирующейся под влиянием тёмных эмоций, вероятно от кого-то, кто даже не знал о наличии у себя дара.

Другими словами – дырка от бублика.

К счастью, Мёрфи сделала свою часть работы.

Иногда тяжёлый труд срабатывает лучше магии.

"Сатурн" Мёрфи слегка взорвался пару лет назад, вроде как по моей вине, и в связи с её понижением в должности и прочим, она нескоро сможет позволить себе что-то кроме своего старого Харлея. По некоторым причинам она не хотела брать мотоцикл, так что оставалась моя машина, верный (почти всегда) Голубой Жучок – Фольксваген–Жук старого выпуска, многое со мной переживший. Неоднократно он был серьёзно искалечен, но каждый раз восставал для нового сражения – если называть сражением поездку куда-нибудь на не слишком большой скорости, без особого ускорения и расхода бензина.

Не начинайте. Он того стоит.

Я остановился перед небольшим белым домиком Мёрфи, где был маленький розарий, и опустил стекло с пассажирской стороны.

– Действуй, как ребята из Хаззарда¹, – сказал я. – Дверцу заело.

Мёрфи прищурилась, глядя на меня. Затем попыталась открыть дверцу. Та легко открылась. Она скользнула на пассажирское сиденье с самодовольной ухмылкой, закрыла

¹ Тут имеется в виду сериал "Dukes of Hazzard", в нашем переводе называющийся "Придурки из Хаззарда". Но называть Мёрфи придурком – это чревато, поэтому переведено как «ребята».

дверцу и ничего не сказала.

– Полицейская работа сделала тебя циничной, – сказал я.

– Если хочешь поглазеть на мой зад, тебе придётся для этого поработать, как и всем остальным, Гарри.

Я шмыгнул носом и привёл машину в готовность.

– Куда двигаем?

– Никуда, пока ты не пристегнёшься, – сказала она, застегивая ремень безопасности.

– Это моя машина, – сказал я.

– Это закон. Нужна цитата? Могу привести.

Я обдумал, стоит ли оно того, в то время как она одарила меня своим взглядом копа – и приготовила шариковую ручку.

Я пристегнулся.

Мёрфи посмотрела на меня.

– Спрингфилд. Направляйся к И–55.

– Вроде как это вне твоей юрисдикции, – проворчал я.

– Если бы мы что-то расследовали – да, – сказала Мёрфи. – Мы едем на ярмарку.

– Это свидание? – покосился я на неё.

– Именно, если кто-то спросит, – подтвердила она. Потом замерла на секунду и добавила. – Это разумное прикрытие.

– Верно, – сказал я. Её щёки слегка порозовели. Некоторое время мы оба молчали.

Я выехал на шоссе, что всегда весело с автомобилем, изначально предназначенным носиться по автостраде на горячих ста километрах в час, и спросил Мёрфи:

– Спрингфилд?

– Государственная Ярмарка, – сказала она. – Вот что было общим знаменателем.

Я нахмурился, перебирая даты в голове.

– Государственная Ярмарка проходит сколько? Десять дней?

Мёрфи кивнула.

– Сегодня вечером они закрываются.

– Но первая пара умерла двенадцать дней назад.

– Они оба были из добровольного персонала для ярмарки, и находились там на общих основаниях, – Мёрфи приподняла ногу, чтобы опереться пяткой на край пассажирского сиденья, и хмуро уставилась в окно. – Я нашла билеты на скиболл и одну из тех дешёвых мягких зверюшек в квартире второй пары. А Бардалаки были остановлены на И–55 за превышение скорости, в пяти минутах от Спрингфилда и по направлению к Чикаго.

– Так что, *возможно*, они были на ярмарке, – сказал я. – Или, возможно, у них было дорожное путешествие, или ещё что-нибудь.

Мёрфи пожала плечами.

– Возможно. Но если считать, что это совпадение – это не приведёт меня ни к чему и мы ничего не получим. Если считать, что связь есть – мы можем получить ответ.

Я глянул на неё.

– Я думал, тебе не нравится читать Паркера.

Она ответила взглядом.

– Это не значит, что его логика не действует.

– О. Верно.

Она тяжело вздохнула.

– Это лучшее, что у меня есть. Я просто надеюсь, что если ты прибудешь на место действия, то сможешь что-то обнаружить.

– Ага, – сказал я, подумав о стенах, покрытых фотографиями. – Я тоже.

Запахи – это то, чем я больше всего наслаждаюсь в местах, подобных Государственной Ярмарке. Вы почувете такие комбинации запахов, каких не найти больше нигде. Преобладают попкорн, жареные орехи и фастфуд, и вы можете получить всё, чем хотите забить свои артерии или угробить фигуру. Хот-доги с чили, масляные пироги, жареный хлеб, пицца – по большей части из жира, засахаренные яблоки, о боги. Злобная еда пахнет ошеломляюще – что является или доказательством существования Сатаны, или означает, что Всемогуший на самом деле не

хочет, чтобы все ели органический тофу. Не могу определиться.

Имеются и другие запахи, зависящие от места, где вы находитесь. Дезинфицирующие средства и вонь, идущая от биотуалетов, выхлопы, горелая смазка, плавящийся асфальт и гравий в местах парковки, солнечный свет на разгорячённых телах, лосьон для загара, сигаретный дым и пиво рядом с некоторыми посетителями, острый, честный запах домашнего скота около выставок животных, складов или пони-заездов – всё это напрямую атакует ваш нос. Мне нравится потворствовать своему обонянию.

Запахом труднее всего солгать.

Мёрфи и я начали в середине утра и принялись методически прочёсывать ярмарку. Это заняло весь день. Государственная Ярмарка – не рядовой случай.

– Проклятье, – сказала она. – Мы пробыли тут весь день. Ты уверен, что ничего не унюхал?

– Ничего из того, что мы ищем, – ответил я. – Я боялся этого.

– Чего?

– По большей части, магия вроде этой – сложная, долговременная, тонкая, тёмная – не процветает на солнечном свете, – я поглядел на удлиняющиеся тени. – Дай ещё полчаса и мы попробуем снова.

Мёрфи нахмурилась.

– Кажется, ты всегда говорил, что магия не бывает доброй или злой.

– Не для солнечного света.

Мёрфи выдохнула с явным неудовольствием.

– Ты мог бы упомянуть об этом раньше.

– Не попробуешь – не узнаешь, – сказал я. – Думай об этом так: возможно, мы просто смотрим не в том месте.

Она вздохнула снова и искоса осмотрела ближайшие вагончики с едой и стенды с товарами.

– Тьфу. Думаешь, здесь есть что-нибудь, что не заставит мои джинсы треснуть по швам?

Я просиял.

– Вероятно, нет. Как насчёт хот-дога и масляного пирога?

– Ублюдок, – рыкнула Мёрфи. И добавила, – Окей.

На полпути через мой второй хот-дог я понял, что за нами кто-то следует.

Я удержал себя от реакции, откусил ещё и сказал:

– Возможно, это, наконец-то, верное место.

Мёрфи нашла место, где продавали индюшачьи ножки. Она срезала мясо с кости на бумажную тарелку и ела его пластиковой вилкой. Она не прекратила жевать и не подняла взгляд.

– Что случилось?

– Парень в тёмно-бордовой футболке и коричневых камуфляжных брюках, около двадцати футов от твоего правого плеча. Я видел его сегодня ещё минимум дважды.

– Это не значит, что он ходит за нами.

– Он был занят ничегонеделанием все три раза.

Мёрфи кивнула.

– Пять футов восемь дюймов или около того, длинные волосы? Маленькая борода полоской?²

– Ага.

– Он сидел на скамье, когда я вышла из туалета, – сказала Мёрфи. – И бездельничал.

Она пожала плечами и вернулась к еде.

– Как хочешь сыграть?

– Тут примерно дохрена людей, Гарри, – она понизила голос и убрала всякий намёк на носовые звуки. – Предлагаешь мне бить его, пока он не заговорит?

Я заворчал и прикончил свой хот-дог.

– Необязательно что-то делать. Возможно, он свалится на тебя.

2 В оригинале soul tuft - я так полагаю, специфическая борода в стиле "соул"

Мёрфи фыркнула.

– Возможно, он свалится на *тебя*.

Я прикрыл рукой отрывку и дотянулся до своего масляного пирога.

– Кто мог бы его обвинить, – я сделал укус и кивнул. – Хорошо. Тогда посмотрим, что будет.

Мёрфи кивнула и потянула свою диет-колу.

– Уилл говорит, вы с Анастасией расстались какое-то время назад.

– Уилл слишком много говорит, – мрачно сказал я.

Она чуть отвела взгляд.

– Он твой друг. Он беспокоится о тебе.

Я мгновение изучал её непроницаемое лицо, а затем кивнул.

– Ладно, – сказал я, – передай Уиллу, что ему не стоит волноваться. Было хреново. Теперь стало лучше. Я в порядке. Ничего такого и так далее, – я сделал паузу, чтобы откусить ещё пирога и спросил. – Как Кинкейд?

– Как и всегда, – сказала Мёрфи.

– Когда тебе несколько сотен лет, становишься немного постоянен.

Она покачала головой.

– Он таков. Он был бы таким, даже будь ему двадцать. Он идёт по своей дороге и не позволяет никому себе мешать. Как...

Она остановилась прежде, чем договорила, на кого похож Кинкейд. Она доела свою индюшачью ножку.

По ярмарке прошла дрожь, задевшая мои чародейские чувства. Закат. Сумерки ещё будут продолжаться какое-то время, но свет, остававшийся на небе, больше не будет сдерживать существ ночи.

Мёрфи глянула на меня, ощутив изменения в моём уровне напряжённости. Она допила свой напиток, в то время как я отправил последний кусочек пирога в рот и мы вместе поднялись.

Небо на западе всё ещё было немного оранжевым, когда я наконец ощутил работающую магию.

Мы были недалеко от карнавала, секции ярмарки, полной резко освещённых конных дорожек, азартных игр тяжёлого направления и разнообразных дешёвых аттракционов. Тут было полно воплей, возбуждённых детишек, родителей с истощённым терпением и поработённых модой подростков. Музыка оловянно звенела и редела. Вспыхивали и танцевали огни. Зазывалы блеяли льстиво, поощрительно и соболезнующе примерно в одинаковых пропорциях.

Мы дрейфовали сквозь весёлый хаос, наш тёмно-бордово-рубашечный хвост двигался следом примерно в десяти-двенадцати футах. Я шёл с полужакрытыми глазами, уделяя своему зрению внимания не больше, чем ищейка, вставшая на след. Мёрфи оставалась рядом, выражая спокойствие, её голубые глаза высматривали физическую опасность.

Затем я ощутил это – дрожь в воздухе, заметную не более, чем затихающий гул от мягко тронутой гитарной струны. Я отметил его направление и прошёл ещё несколько шагов, прежде чем проверить снова, в попытке триангулировать источник возмущения. Я получил приблизительное указание на него где-то через минуту и понял, что остановился и смотрю.

– Гарри? – спросила Мёрфи. – Что такое?

– Что-то вон там, – сказал я, кивнув в сторону мидвея³. – Сигнал слабый. Но что-то есть.

Мёрфи резко вдохнула.

– Это должно быть оно. Там наш хвост.

Нам не требовалось принимать совместное решение. Если хвост принадлежал кому-то, кто был за ним, мы не могли позволить ему уйти, чтобы предупредить преступника – и имелся превосходный шанс, что наш внезапный приятель в бордовом в результате приведёт нас к чему-то интересному.

Мы развернулись и пустились в погоню.

Пробежка по открытому пространству – это одно. Движение сквозь карнавальную толпу – нечто иное. Вы не можете бежать, если только не хотите постоянно падать и привлекать кучу

³ Специфический для ярмарки термин. Место, где располагаются заезды, всяческие развлечения и ларьки с фастфудом.

внимания. Вам приходится спешить, перескакивая от одной группы людей к другой, не имея шансов по-настоящему надавить на газ. Опасность такой погони заключается не в том, что жертва может опередить вас, а в том, что вы потеряете её в толпе.

У меня было большое преимущество. Я чертовски высокий. Я мог видеть всё и заметить мистера Бордового, прокладывающего себе путь сквозь толпу. Я двинулся за ним, а Мёрфи – за мной.

Я находился в паре длинных шагов от Бордового, но был остановлен стайкой старшеклассников в шапках Храмовиков⁴. Он притормозил одновременно со мной, находясь на открытом участке земли за Храмовиками, и пока я сквозь них пробирался, я успел заметить, как Бордовый отдаёт билеты карнавальщику. Он запрыгнул на платформу, влез в маленький автомобильчик и исчез в недрах аттракциона.

– Проклятье! – сказала Мёрфи, переводя дух. – И что теперь?

За аттракционом, объявленным как Туннель Ужаса, было пустое место, образованное кругом из нескольких таких же игр и заездов. Там спрятаться никто не мог.

– Ты заходишь сзади. Я слежу спереди. Кто его увидит – пусть кричит.

– Принято, – Мёрфи поспешно направилась вокруг Туннеля Ужаса. Нахмурившись, она обозрела невысокий пластиковый барьер с предупреждением "ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА", потом проигнорировала его и двинулась дальше.

– Анархистка, – пробормотал я, и принялся ждать Бордового.

Он не появился.

Маленький автомобильчик медленно, со скрипом выполз с противоположной стороны платформы. Карнавальщик, старик с лохматой белой бородой, ничего не заметил – он дремал на своём стуле.

Мёрфи вернулась несколько секунд спустя.

– Сзади есть две двери, – сообщила она. – Обе перекрыты цепями и заперты снаружи. Там он выйти не мог.

Я вдохнул и кивнул на пустую машину.

– Здесь его тоже нет. Слушай, мы не можем просто стоять тут. Возможно, он пробежал сквозь туннель или вроде того. Мы узнаем, если он внутри.

– Пойду выкурю его наружу, – сказала она. – Подберёшь его, когда он покажется.

– Ни в коем случае, – сказал я. – Мы остаёмся с нашим отрядом... – я глянул на Мёрфи, – ...вместе. Энергия, которую я ощущаю, исходит откуда-то поблизости. Если мы разделимся, то станем в миллион раз уязвимее к ментальным манипуляциям. И если этот парень нечто большее, чем кажется, то никто из нас не захочет брать его в одиночку.

Она поморщилась, кивнула и мы двинули к Туннелю Ужаса вместе.

Старый карнавальщик проснулся, как только мы подошли к рампе, издал хриплый кашель и указал на знак, который требовал от нас пожертвовать по три билета с каждого за поездку. Я не покупал ни одного, а билетная касса была достаточно далеко, чтобы дать Бордовому свалиться, если мы остановимся, следуя правилам.

– Сэр, – сказала Мёрфи, – человек, которого мы ищем, вошёл в ваш аттракцион, но не вышел наружу. Нам необходимо зайти и найти его.

Он моргнул, липко глянув на Мёрфи, и сказал:

– Три билета.

– Вы не поняли, – сказала она. – В Туннеле Ужаса может скрываться беглец. Мы должны войти и проверить, там ли он.

Карнавальщик фыркнул.

– Три билета, мисси. Хотя это не лучшая комната, которую вы двое могли бы арендовать.

Мускулы на челюсти Мёрфи напряглись.

Я шагнул вперёд.

– Эй, приятель, – сказал я. – Гарри Дрезден, частный детектив. Если вы не возражаете, то всё, что нам надо – зайти внутрь на пять минут.

Он посмотрел на меня.

– Частный детектив, да?

⁴ Храмовики, the Ancient Arabic Order of the Nobles of the Mystic Shrine, aka Shriners, также A.A.O.N.M.S. – подразделение свободных масонов. Также организация известна как Храмовые Больницы для детей (Shriners Hospitals for Children). Члены организации носят красные фески.

Я выудил мою лицензию и продемонстрировал ему. Он глянул на неё, потом на меня.

– Вы не похожи на частных детективов, которых я видел. Где ваша шляпа?

– В магазине, – сказал я. – Передача полетела. – Я подмигнул ему, держа сложенную двадцатку между пальцами. – Пять минут?

Он зевнул.

– Не положено всяким посторонним входить просто так. – Он потянулся и взял двадцатку. – С другой стороны, не моё дело, что вы двое собираетесь вытворять там внутри.

Он поднялся, потянул за рычаг и указал на автомобильчик.

– Устраивайтесь, – он искоса посмотрел на нас. – И придерживайте свои, э, оконечности внутри машины.

Мы вошли, и я был практически ошпарен паром, выходящим из ушей Мёрфи.

– Ты попросту сыграл на пару с этим типом.

– Нам нужно было попасть внутрь, – сказал я. – Просто делаю свою работу, сержант.

Она фыркнула.

– Эй, Мёрф, глянь, – сказал я, держа ремень из старой, потёртой кожи. – Ремни безопасности.

Она одарила меня взглядом, который мог бы прожечь сталь. После чего, сжав челюсти, обезопасила себя ненадёжной штуковиной. Выражение её лица удержало меня от высказываний.

Я усмехнулся и расслабился. Не так-то просто подколоть Мёрфи и избежать после этого проблем.

С другой стороны платформы карнавальщик дёрнул ещё один рычаг и мгновение спустя маленькая вагонетка покатила с ослепительной скоростью в одну, может, даже две мили в час. Тёмный занавес расступился перед нами, и мы вкатились в Туннель Ужаса.

Мёрфи быстро достала своё оружие – было темно, но я услышал шорох ствола о пластик, когда она вытащила его из кобуры. Она прикрепила маленький светодиодный фонарик снизу ствола пистолета и зажгла его. Мы находились в тесном маленьком туннеле, вся поверхность которого была покрашена чёрным, и абсолютно нигде не было прячущегося Бордового.

Я встряхнул браслет из оберегов на моём левом запястье, готовя защитные энергии на случай надобности. Мёрф и я работали вместе достаточно долго для того, чтобы знать свои роли. Если начнутся неприятности, я буду защищать нас. Мёрфи и её Зиг будут отвечать.

В конце маленького туннеля открылась дверь, и мы выкатились вперёд, к декорациям, изображающим обычный сельский дом, с большим количеством мелких деталей, обязанных пугать – несколько пальцев у основания разделочной колоды, прямо под окровавленным топором, светящиеся глаза, появляющиеся в верхнем окне дома и всё такое прочее. Ни одного признака Бордового и хоть какого-то места, где он мог бы скрыться.

– Лучше отстегнуть эти ремни безопасности, – сказал я. – Мы должны быть в состоянии двигаться быстро, если понадобится.

– Ага, – сказала она и нагнулась, когда нечто огромное и ужасное с воплем грохнулось на машину из теней над нами.

Адреналин ударил в меня подобно мчащемуся автобусу и я глянул вверх, чтобы увидеть определённо демоническое чучело, болтающееся несколькими футами выше наших голов, подпрыгивающее на проводах и играющее запись кудахчущего, безумного смеха.

– О Боже, – Мёрфи выдохнула, опуская своё оружие. Кожа вокруг её глаз слегка побелела.

Мы посмотрели друг на друга и разразились высоким, нервным смехом.

– Туннель Ужаса, – сказала Мёрфи. – Мы такие крутые.

– Полные засранцы, – сказал я, усмехаясь.

Автомобиль медленно погрел далыше и Мёрфи отстегнула ремень безопасности. Мы передвинулись в следующее место, прикидывающееся больницей, наполненной зомби. Там был манекен зомби, выскакивающий из туалета недалеко от дорожки, и много запёкшейся крови. Мы вышли из авто и разведали пару мест, где беглец мог быть, но отсутствовал. Тогда мы запрыгнули обратно в машину, прежде чем она покинула декорации.

Так мы продвигались дальше, через беспокойное кладбище, пещеру троглодитов и настоящий призрачный город Старого Запада. Мы ничего не находили, но действовали вместе,

как команда, лучше, чем с кем-либо раньше из тех, кого я помнил. Всё ощущалось гладко и естественно, как будто мы двигались вместе всю нашу жизнь. Мы делали это в полной тишине, чисто инстинктивно предугадывая, что делает другой.

Увы, даже великие команды проигрывают. Мы испытали чувство надувательства и покинули Туннель Ужаса без Бордового или хоть какой-то идеи о том, куда он пропал.

– Блин-тарарам, – пробормотал я. – На этой неделе у меня детективный праздник отстоя.

– Ты сказал *отстой*, – снова захихикала Мёрфи.

Я усмехнулся ей и огляделся.

– Что ж, сказал я, – мы не знаем, куда ушёл Бордовый. Если они не сделали нас раньше, то сделают сейчас.

– Можешь поймать этот твой сигнал снова?

– Отпечаток энергии, – сказал я. – Возможно. Это всё же довольно расплывчато. Я не уверен, насколько точным смогу оказаться.

– Давай узнаем, – сказала она.

– Давай, – кивнул я. Мы пустились вокруг подозрительного кольца аттракционов, двигаясь медленно и пытаясь смешаться с толпой. Когда мимо промчалась парочка шумных детишек, преследующих друг друга, я положил руку ей на плечи и притянул в убежище из моего тела таким образом, чтобы её не шокировать.

Она медленно выдохнула и не отступила от меня ни на шаг.

Моё сердце начало биться быстрее.

– Гарри, – тихо сказала она.

– Да?

– Ты и я... Почему мы никогда... – она посмотрела на меня. – Почему нет?

– Как всегда, я полагаю, – спокойно сказал я. – Неприятности. Долг. Другие люди.

Она покачала головой.

– Почему нет? – повторила она, глядя прямо. – Все эти годы. И даже когда что-то могло выйти, но не происходило. Почему нет?

Я облизнул свои губы.

– Как сейчас? Мы просто решаем быть вместе?

Её веки опустились.

– Почему нет?

Моё сердце исполнило соло ударных из "Выноса"⁵.

Почему нет?

Я наклонился к её губам и поцеловал её, очень мягко.

Она обратилась в поцелуй, вжавшись своим телом в моё. Получилось немного неуклюже. Я был почти на два фута выше её. Мы восполнили недостаток изящества энтузиазмом; её руки обвили вокруг моей шеи, когда она поцеловала меня, крепко и голодно.

– Стоп, – сказал я, отодвигаясь мгновение спустя. – Работа. Верно?

Мгновение она смотрела на меня, порозовев, с губами, слегка опухшими от поцелуя, и сказала "Верно". Она закрыла глаза и кивнула.

– Верно. Сперва работа.

– Потом пообедаем? – спросил я.

– Пообедаем. У меня дома. Можно сделать заказ.

Мой живот вздрогнул во внезапном возбуждении от такого предложения.

– Верно, – я осмотрелся вокруг. – Так давай найдём это и покончим с ним.

Мы начали двигаться снова. Оборот вокруг аттракционов не приблизил меня к источнику энергии, которую я ощутил ранее.

– Проклятье, – расстроенно сказал я, когда мы завершили обход.

– Эй, – сказала Мёрфи. – Не истязай себя из-за этого, Гарри. – Её рука скользнула в мою, сплетая пальцы с моими. – Я была копом долгое время. Ты не всегда можешь достать плохого парня. И если начнёшь обвинять в этом себя, то закончишь тем, что полезешь в бутылку или съешь собственный пистолет.

– Спасибо, – тихо сказал я. – За т...

⁵ Х его 3, какой именно Wireout (Вынос) тут имеется в виду. Скорее всего, ТВ-шоу.

– Хе, – сказала Мёрфи. – Ты сказал *зат*.

Мы оба заухмылялись, как идиоты. Я опустил взгляд на наши переплетённые пальцы.

– Мне это нравится.

– Мне тоже, – сказала Мёрфи. – Почему мы не сделали этого давным–давно?

– Чтоб я знал.

– Может, мы просто глупцы? – спросила она. – Я имею в виду, люди вообще. Может, мы действительно настолько слепые, что упускаем то, что находится прямо перед нами?

– Как вид, мы, по существу, безумны, – сказал я. – Так что да, возможно. – Я поднял наши руки и поцеловал кончики её пальцев. – И всё же теперь я не собираюсь упускать это.

Её улыбка осветила несколько тысяч квадратных футов мидвея.

– Хорошо.

Эхо мысли прогрохотало в моей голове: *Безумны...*

– О, – сказал я. – О, блин–тарарам.

Она нахмурилась.

– Что?

– Мёрф... Я думаю, нас сглазили.

Она моргнула.

– Что? Нет, мы не могли...

– Я думаю, могли.

– Я ничего не вижу и не ощущаю. *Ничего*, Гарри. Я уже попадала под магию вроде этой.

– *Посмотри* на нас, – сказал я, поведив нашими соединёнными руками.

– Мы были друзьями долгое время, Гарри, – сказала она. – И у нас была пара возможностей раньше. Теперь мы просто не стали её упускать. Вот и всё, что тут случилось.

– Как насчёт Кинкейда? – поинтересовался я у неё.

Секунду она обдумывала это. Потом сказала:

– Сомневаюсь, что он даже заметил, как я ушла, – она нахмурилась. – Гарри, я не была так счастлива с... Я никогда не думала, что смогу испытать это снова. Хотя с кем-нибудь.

Моё сердце продолжало постукивать.

– Я точно знаю, что ты имеешь в виду, – сказал я. – Я чувствую то же самое.

Её улыбка потеплела ещё сильнее.

– Тогда в чём проблема? Разве это не то, на что должна быть похожа любовь? Никаких усилий?

Я подумал об этом секунду. А потом сказал, медленно и осторожно:

– Мёрф, подумай об этом.

– О чём ты?

– Ты знаешь, насколько это хорошо? – спросил я.

– Да.

– Насколько правильным это чувствуется?

– Ага, – кивнула она.

– Насколько это просто?

Она энергично кивнула, просветлев взглядом.

Я наклонился к ней для большего акцента.

– Это просто недостаточно долбануто, чтобы быть твоим и моим.

Её улыбка заколебалась.

– Боже мой, – сказала она, расширив глаза. – Нас сглазили.

Мы вернулись к Туннелю Ужаса.

– У меня не получается, – сказала она. – Я не... Я не ощущаю ничего такого. Не ощущаю никакой разницы. Я думала, что когда об этом знаешь, то от него можно избавиться.

– Нет, – сказал я. – Но иногда это помогает.

– Ты ещё?..

Я сжал её руку ещё раз, прежде чем отпустить.

– Да, – сказал я. – Я всё ещё это чувствую.

– Оно... оно пройдёт?

Я не ответил ей. Я не знал. Или, может, не хотел знать.

Старый карнавальщик увидел наше приближение, и его лицо осветилось предчувствием, как только он на нас посмотрел. Он поднялся и глянул из-за пульта управления заездом на вход внутрь.

– Ага, – пробормотал я. – Трусливый ублюдок. Только попробуй.

Он щёлкнул одним из переключателей и потащился ко входу в туннель.

Я быстро сосредоточил волю, поднял руку и провёл ею по горизонтальной дуге, прорывав *"Forzare!"*. Невидимая сила выбила его ноги из-под него и бросила в ненамеренное падение.

Мёрфи и я поспешили к платформе прежде, чем он смог подняться на ноги и убежать. Нам не стоило беспокоиться. Карнавальщик был подлинным стариком, а не сверхъестественной тварью под прикрытием. Он лежал на платформе, постанывая от боли. Я почувствовал себя не слишком хорошо из-за избиения пенсионера.

Но эй. С другой стороны, он действительно надул меня за двадцать баксов.

Мёрфи встала над ним, холодно глядя голубыми глазами, и произнесла:

– Где отнорок?

Карнавальщик моргнул.

– Шо?

– Люк, – оборвала она. – Секретная комната. Где она?

Я нахмурился и пошёл ко входу.

– Пожалуйста, – сказал карнавальщик. – Я не знаю, о чём вы говорите!

– Чёрта с два ты не знаешь, – сказала Мёрфи. Она нагнулась, ухватила его за рубашку обоими руками и притянула ближе, приподняв губу в рыке. Карнавальщик побледнел.

Мёрфи может быть симпатичным засранцем для такой мелочи. Мне в ней это нравится.

– Я не могу, – сказал карнавальщик. – Я не могу. Мне платят, чтобы я ничего не видел. Она убьёт меня. Она убьёт меня.

Я раздвинул тяжёлый занавес, ведущий ко входу в туннель, и увидел это сразу – круглую дыру в полу в двух футах впереди, в ней даже виднелась верхняя часть лестницы. Круглая крышка лежала повернутой на сторону, раскрашенную чёрным, как и остальная часть холла.

– Здесь, – сказал я Мёрф. – Вот почему мы ничего не заметили. Когда ты зажгла свой свет, оно уже было позади.

Мёрфи прищурилась, глядя на карнавальщика, и сказала:

– Гони мне двадцать баксов.

Тот облизнул губы. Потом выудил мою сложенную двадцатку из кармана рубашки и передал её Мёрфи.

Она кивнула и помахала своим значком.

– Валите отсюда, прежде чем я пойму, что видела вас берущим взятку и подвергающим жизни опасности, позволяя клиентам использовать аттракцион небезопасным образом.

Карнавальщик испарился.

Мёрфи передала мне двадцатку. Я прикарманил её и мы полезли вниз по лестнице.

Мы спустились вниз и тихо двинулись дальше. Язык тела Мёрфи не слишком утончён, что неудивительно, учитывая её размеры и службу в полиции. Но при необходимости она могла двигаться тихо, как дым. Я неуклюж. От меня такое требует больших усилий.

Лестница привела нас к чему-то, смахивающему на интерьер закопанного в землю железнодорожного вагона. По стенам шли электрические провода. Из дверного проёма в дальнем конце вагона пробивался свет. Я шёл первым, приготовив защитный браслет, а Мёрфи двигалась на шаг сзади и справа, приготовив свой Зиг.

Дверной проём в конце вагона вёл в большое рабочее помещение, изобилующее компьютерами, картотеками, микроскопами и как минимум одним роскошным химическим набором.

Бордовый сидел перед одним из компьютеров, светя профилем.

– Проклятье, Стью, – брюзгливо сказал он. – Я же говорил тебе не ходить в здешний сортир. Ходи в один из... – он глянул на нас и замер посреди высказывания, расширив глаза и уставившись на пушку Мёрфи.

– Этой ночью Стью отдыхает, – дружелюбно сказал я. – Где ваш босс?

В дальнем конце комнаты открылась дверь и вошла молодая женщина среднего роста. На ней были очки и лабораторный халат, и ни то, ни другое не дало её внешность менее, чем великолепной. Она посмотрела на нас, потом на Бордового и сказала с идеальным британским акцентом:

– Ты идиот.

– Ага, – сказал я. – Хорошего помощника трудно найти.

Женщина в лабораторном халате посмотрела на меня тёмными, глубокими глазами, и я ощутил нечто вроде призрачного давления на виски, как будто по моей коже скользили извивающиеся головастики. Это была попытка прямого ментального вторжения, но я достаточно практиковался в своей защите и не собирался сдаваться перед чем-то настолько очевидным. Я усилием воли оттолкнул атакующие мысли прочь и сказал:

– Не смотри ей в глаза, Мёрф. Она вампир. Красная коллегия.

– Учту, – сказала она, не сводя пушку с Бордового.

Мгновение вампириша смотрела на нас обоих. А потом сказала:

– Можете не представляться, мистер Дрезден. Я баронесса ЛеБлан. И наши народы в данный момент не воюют.

– Я всегда немного путался в юридических тонкостях, – сказал я. У меня было при себе несколько штук, которые я мог использовать для собственной защиты. Я был готов использовать любую из них. Вампир в ближнем бою – не то, над чем стоит смеяться. ЛеБлан могла оторвать мне три или четыре конечности за время, нужное, чтобы достать пистолет и выстрелить. Я внимательно следил за ней, готовый действовать при малейшем признаке атаки. – Мы оба знаем, что война в конечном счёте начнётся снова.

– Вы вдалеке от чего-нибудь существенного вроде вашей территории, – сказала она, – и вы нарушили границы моей. По Соглашениям я буду в своём праве, убив вас и похоронив туловище и конечности в разных могилах.

– Вот где проблемы с этим заездом, – пожаловался я Мёрфи. – Нет ничего настоящего *страшного* в Туннеле Ужаса.

– Ты вернул свои деньги, – указала она.

– А, и вправду, – я слегка улыбнулся ЛеБлан. – Послушайте, баронесса. Вы знаете, кто я. Вы кое-что делаете с разумами людей и я намерен это остановить.

– Если вы не уберётесь, – сказала она, – я буду считать это актом войны.

– Ура, – сказал я монотонным голосом Бена Штейна⁶, крутя указательным пальцем в воздухе, как новогодней трещоткой. – Я уже начал однажды войну с Красной Колегией и с удовольствием сделаю это снова, если это будет необходимо, чтобы защитить людей от вас.

– Это иррационально, – сказала ЛеБлан. – Полностью иррационально.

– Объясни ей, Мёрф.

– Он полностью иррационален, – сказала Мёрфи искажённым тоном.

Мгновение ЛеБлан спокойно меня оценивала. Потом она слабо улыбнулась и сказала:

– Возможно, физическая конфронтация – не лучшее решение.

– Правда? – нахмурился я.

Она пожала плечами.

– Не вся Красная Коллегия – кровожадные наркоманы, Дрезден. В моей здешней работе нет зловещих намерений. Фактически, даже наоборот.

Я склонил голову.

– Забавно. Вся эта куча трупов свидетельствует иное.

– У процесса *действительно* есть свои побочные эффекты, – согласилась она. – Но уроки, вынесенные из них, послужат улучшению моей работы и сделают её более безопасной и эффективной. Честно говоря, вам стоило бы поддержать меня, Дрезден, а не пытаться прихлопнуть.

– Поддержать вас? – я слегка улыбнулся. – Только потому, что вы думаете, что ваша работа чертовски замечательна?

– Я создаю любовь.

Я разразился хохотом.

⁶ Бен Штейн - американский актёр, писатель, юрист и комментатор. Если кто-то его не знает - он сыграл в "Маске" роль автора книги, к которому герой приходил на приём. А в "Сыне Маски" именно он вёл экскурсию, на которую заявился Локи.

Лицо ЛеБлан осталось неподвижно-серьёзным.

– Вы думаете, что *это*... это искажение человеческих чувств в нечто, чего они не желают – любовь?

– Что есть любовь, – сказала ЛеБлан, – если не серия электрохимических сигналов в мозгу? Сигналы могут быть скопированы, как любое другое ощущение.

– Любовь больше, чем только это, – сказал я.

– Вы любите эту женщину?

– Да, – сказал я. – Но это не ново.

ЛеБлан показала свои зубы.

– Но ваши теперешние чувства тоски и желания новы, разве нет? Новы и полностью неотличимы от ваших настоящих эмоций? Что скажете, сержант Мёрфи?

Мёрфи сглотнула, но на вампира не глянула. Нехитрую ментальную атаку ЛеБлан мог запросто отразить чародей, но любому нормальному человеку, вероятно, пришла бы крышка прежде, чем он понял бы, что его разум атакован. Вместо ответа она задала собственный вопрос.

– Зачем?

– Зачем что?

– Зачем это делать? Зачем заставлять людей влюбляться?

ЛеБлан выгнула бровь.

– Разве это не очевидно?

Я коротко вдохнул, понимая, что происходит.

– Белая Коллегия, – сказал я.

Белые, в отличие от Красных, были другой породой вампиров, питающихся жизненной силой своих жертв, в основном с помощью совращения. Подлинная любовь и символы подлинной любви были их криптонитом, их святой водой. Любовь к другому человеку становилась чем-то вроде защиты, превращая само прикосновение вашей кожи в проклятие для Белой Коллегии.

ЛеБлан улыбнулась мне.

– Конечно, некоторые побочные эффекты время от времени проявляются. Но в целом, это очень маленький процент от тестовой группы. И выжившие, как вы сами убедились, совершенно счастливы. Они получают любовь, которую большая часть вашего вида редко встречает и ещё реже сохраняет. Здесь нет жертв, чародей.

– О, – сказал я. – Конечно же. За исключением жертв.

ЛеБлан вздохнула.

– Смертные – как однодневки, чародей. Они живут недолго, а затем уходят. И те, кто умер из-за моей работы, хотя бы умерли после дней или недель полного счастья. Многие, прожив более долгую жизнь, получали куда меньше. То, что я здесь делаю, потенциально может защитить смертных от Белой Коллегии навсегда.

– Это не подлинная любовь, раз она вызвана насильственно, – высказалась Мёрфи резким тоном.

– Нет, – сказала ЛеБлан. – Но я полагаю, что она вполне может вырасти на таком основании дружбы и счастья.

– Проклятье, да вы само благородство, – сказал я.

В глазах ЛеБлан сверкнуло что-то уродливое.

– Вы делаете это, чтобы избавиться от соперничества, – сказал я. – И, дьявол, возможно, чтобы повысить популяцию людей в мире. Создать больше еды.

Вампир уравновешенно меня оценила.

– Для работы есть много мотиваций, – сказала она. – Многие из моей Коллегии приняли логику, которую вы привели, когда не захотели поддержать идею об усилении и защите смертных.

– О-о, – протянул я. – Вы вампир с золотым сердцем. Флоренс Найтингейл с клыками. Полагаю, это всё оправдывает.

ЛеБлан уставилась на меня. Потом её взгляд метнулся к Мёрфи и вернулся обратно. Она тонко улыбнулась.

– В Красной Коллегии есть специальная клетка, зарезервированная для вас, Дрезден. Её прутья покрыты лезвиями и шипами, так что если вы вдруг решите заснуть, они будут терзать

вас, удерживая в сознании.

– Заткнись, – сказала Мёрфи.

ЛеБлан продолжила довольным тоном:

– Её нижняя часть представляет из себя чашу глубиной примерно в фут, так что вы будете стоять в собственной грязи. И ещё там есть три копы с игольными наконечниками на стойке перед клеткой, так что любой проходящий мимо сможет остановиться и поучаствовать в вашем наказании.

– Заткнись, – прорычала Мёрфи.

– В конечном итоге, – промурлыкала ЛеБлан, – ваши кишки будут вырваны и оставлены лежать у ваших ног. А когда вы умрёте, ваша кожа будет содрана с тела, выдублена и превращена в обивку для одного из кресел в Красном Храме.

– Заткнись! – рявкнула Мёрфи диким голосом. Её пистолет метнулся в сторону ЛеБлан. – Закрой свой рот, сука!

Я осознал момент опасности слишком поздно. Это была именно та реакция, которую ЛеБлан намеревалась вызвать.

– Мёрф! Нет!

Как только мёрфин Зиг убрался от него, Бордовый выхватил пистолет из-под стола и поднял его. Он потянул спусковой крючок даже раньше, чем смог навестись для выстрела, так быстро, как только мог двигать своим пальцем. Он был не более чем в пятнадцати футах от Мёрфи, но первые пять выстрелов в неё не попали, так как я повернулся и выставил невидимую мощь моего браслета щитов между ними. Пули ударили в щит со вспышками света, породив маленькие концентрические синие кольца воздушной ряби, расходящиеся от точек попадания.

Мёрфи, тем временем, открыла огонь по ЛеБлан. Мёрф стреляла почти так же быстро, как Бордовый, но у неё были обучение и дисциплина, нужные для боя. Её пули врезались в торс вампира, прорываясь сквозь бледную плоть и вышибая сгустки красно-чёрной крови. ЛеБлан отбросило в сторону – она не была мертва, но выстрелы достали её на секунду или две.

Я убрал щит, так как пушка Бордового защёлкала вхолостую, поднял правый кулак и выпустил энергию кольца на моём указательном пальце в коротком, возносящем движении. Кольцо собирало крохи энергии каждый раз, когда я двигал рукой и сохраняло их до нужного момента. Невидимая сила слетела с кольца, сшибла Бордового с его места и грохнула им об потолок. Он упал обратно, стукнувшись спиной об угол стола, и свалился в бессознательном состоянии на пол. Оружие вылетело из его пальцев.

– Я пуста! – крикнула Мёрфи.

Я развернулся обратно, обнаружив, что ЛеБлан оттолкнулась от стены, восстановив равновесие. Она послала Мёрфи взгляд, полный ненависти, и её глаза залило чернотой, включая белок и радужку. Она раскрыла рот в нечеловеческом вопле, а затем вампир, скрывавшийся под человеческой формой ЛеБлан, вырвался наружу, как скаковая лошадь из ворот, оставляя за собой клочки бледной, бескровной кожи.

Это была отвратительная тварь – чёрная, морщинистая и склизкая, с обвисшим животом, мордой летучей мыши и длинными, тонкими конечностями. Глаза ЛеБлан жутко выпучились, когда она полетела на меня.

Я выставил свой щит вовремя, чтобы перехватить её, и она отскочила от него, упав на секцию пола, уже запятнанного её кровью.

– Вниз! – прокричала Мёрфи.

Я опустил на корточки и убрал щит.

ЛеБлан поднялась снова, как раз когда я услышал, как Мёрфи глубоко вздохнула и задержалась на полувыдохе. Её пушка рявкнула один раз.

Вампир потеряла где-то с пятую часть своей головы, когда пуля ворвалась в её череп. Её отбросило назад к стене, раскидав конечности, но она всё ещё была жива. Она снова попыталась подняться на ноги.

Мёрфи методично выстрелила ещё шесть раз. Ни один из них не прошёл мимо. ЛеБлан упала на пол. Мёрфи подступила на шаг ближе, прицелилась, и выпустила ещё десять или двенадцать пуль в голову упавшего вампира. Когда она закончила, череп вампира напоминал разбитую вдребезги тыкву.

Несколько секунд спустя, ЛеБлан прекратила двигаться.

Мёрфи перезарядилась и оставила труп на прицеле.

– Хорошая стрельба, Текс⁷, – сказал я и проверил Бордового. Он всё ещё дышал.

– Так что, – сказала Мёрфи, – проблема решена?

– Не думаю, – сказал я. – ЛеБлан не была колдуньей. Она не могла быть той, кто разработал проклятье.

Мёрфи нахмурилась и на секунду глянула на Бордового.

Я подошёл к лежащему человеку и слегка коснулся пальцами его лба. Никаких выраженных следов энергии практикующего мага.

– Не-а.

– Кто тогда?

Я покачал головой.

– Это сложная, тонкая магия. Во всём Белом Совете наберётся человека три, которые смогли бы сотворить что-то в этом роде. Так что... больше похоже на какой-то фокусирующий артефакт.

– На что?

– На предмет со встроенной в него функцией, – сказал я. – Заливаешь энергию с одного конца и получаешь результат со второго.

Мёрфи потёрла нос.

– Как те волчьи пояса фэбээровцев?

– Ага, вроде них. – Я моргнул и щёлкнул пальцами. – *Вроде них!*

Я вылетел из маленького комплекса и поднялся по лестнице. Прошёл к туннельному автомобилю и вытащил из него старый кожаный ремень безопасности. Я перевернул его и обнаружил, что обратная сторона исписана почти невидимыми печатями и знаками. Теперь, когда я смотрел на него, то чувствовал покалывание движущейся внутри энергии.

– Ха, – сказал я. – Вот оно.

Мёрфи нахмурилась, глядя на вход в Туннель Ужаса.

– Что насчёт Билли Кида⁸?

– Мы немного можем сделать, – сказал я. – Хочешь объяснять спрингфилдским копам, что тут произошло?

Она покачала головой.

– Я тоже, – сказал я. – Парень был рабом ЛеБлан. Сомневаюсь, что он опасен для кого-нибудь в отсутствие подталкивающего его вампира.

Кроме того, Красные наверняка убьют его, так или иначе, как только узнают о смерти ЛеБлан.

Мы помолчали секунду, потом шагнули друг к другу и мягко обнялись. Мёрфи дрожала.

– Ты в порядке? – тихо спросил я.

Она склонила голову мне на грудь.

– Как помочь всем тем людям, которых она обработала?

– Сжечь пояс, – сказал я и погладил её по волосам одной рукой. – Это должно очистить всех, кто с ним связан.

– Всех, – медленно сказала она.

Я дважды моргнул.

– Да.

– Так что сделай это... мы оба будем видеть, какая это дурная идея. И помни, что у нас обоих есть хорошие причины не быть вместе.

– Да.

– И... мы больше не будем чувствовать *это*. Это... счастье. Оно закончится.

– Нет. Не будем.

Её голос дал сбой.

– Проклятье.

Я прижал её крепче.

– Да.

– Я хочу сказать тебе подождать какое-то время, – сказала она. – Я хочу, чтобы мы были

⁷ Цитата, похоже, из "Охотников за привидениями".

⁸ Прозвище известного преступника американского Запада 19 века. Настоящее имя - Генри МакКарти.

благородными и добродетельными, оставив его в целости. Хочу сказать, что если мы уничтожим пояс, то разрушим счастье Бог знает скольких людей.

– Наркоманы счастливы, когда у них приход, – спокойно сказал я, – но им не нужно счастье. Им нужна свобода.

Я положил пояс в автомобиль, повернул правую руку ладонью вверх и пробормотал слово. Сфера добела раскалённого огня поднялась с моих пальцев. Я перевернул руку и сфера мягко упала в машину, обращая пояс в пепел. Я почувствовал себя больным.

Я не следил за этим. Я повернулся к Кэррин и поцеловал её снова, горячо и быстро, и она отчаянно вернула мне поцелуй. Это было так, будто мы хотели помешать чему-то ускользнуть от нас, запечатав губы поцелуем.

Я почувствовал, когда оно исчезло.

Мы немного напряглись. Мы оба помнили, что мы решили. Мы оба помнили, что Мёрфи уже была связана с кем-то ещё и это оказалось не для её натуры.

Она отступила от меня, обхватив себя за живот.

– Готова? – тихо спросил я её.

Она кивнула, и мы двинулись. Никто из нас не произнёс ничего, пока мы не дошли до Голубого Жучка.

– Знаешь что, Гарри? – тихо сказала она с другой стороны машины.

– Знаю, – ответил я ей. – Как ты говорила, любовь убивает.

Мы сели в Жучка и направились обратно в Чикаго.